

СЕКРЕТ ТЕАТРА

ИЗ БРАТИСЛАВЫ

Сцена из спектакля «Витюзи» в постановке Словацкого национального театра.

Фото Ю. Пясецкого.

В 1961 ГОДУ Словацкий национальный театр показал москвитям свое сосредоточенно серьезное лицо на спектаклях «Полуночная месса» П. Карваня, «Белая болезнь» К. Чапека, «Иванов» А. Чехова и «Иркутская история» А. Арбузова. В 1967 году режиссер Йозеф Будский, возглавляющий этот коллектив, поставил «Антигону» П. Карваня в Московском театре имени Вл. Маяковского, как бы закрепив впечатление о себе как о режиссере высокой интеллектуальной драмы.

В пылкий свой приезд словацкие артисты рассказали о своем отношении к жанру комедии, раскрыли свое представление о возможностях комического, с одной стороны — метода театрального мышления, с другой — мироощущения.

Комедия «Витюзи» Л. Строупежницкого, что в переводе — «Наши гордцы», или «Петухи», — спектакль, изысканно и со вкусом стилизованный под народный лубок, использует пьесу на жизни чешской деревни конца 60-х годов XIX века как повод для выявления истинно театральной природы театра.

Атмосфера ярмарочного веселья была бы невозможна или по крайней мере во многом утратила бы свою привлекательность без карусели — незаменимого атрибута народного гуляния. Карусель художника Честмира Пехра — это место действия, метафора, символ. Карусель жизни вращается, а вместе с ней под куполом мелькают яркие красивые черепичные и золотые соломённые крыши, крыши корчмы, сочной зеленью горят сады. Прочно стоят в этом благословенном мире только «святые» общественные места — часовня и убогая. В центре «вселенной» вместе с ней вращается невозмутимая, в красном плаще фигурка Святого пажарника, который, по-видимому, столько насмотрелся на своем веку, что относится ко всем человеческим страстям философски.

Анекдотичный сюжет пьесы — спор между портным и солдатом из-за должности ночного сторожа, в котором принимают активное участие все жители деревни, — открывает перед театром возможность поэтически выразить карнавальную первооснову театрального действия, продемонстрировать зара-

зительность, сегодня забытых словесных перепадок-турниров, важного элемента народных празднеств, а через все это, не педалируя, дать социальные и психологические характеристики героев, высказать свое взрослое, ироническое отношение ко всем сложным проблемам этого «святого семейства».

Зная, какую важную роль в подобных представлениях играет зрительный зал, как важно «включить» его, наладить вовремя контакт с ним, Йозеф Будский ввел в спектакль негромкие интермедии. Во весь рост занавеса парисован земной шар с параллелями и меридианами, а через экватор, слегка отпадая, шутливая падлище — «Прощайкам и звакам вход строго воспрещен». Оркестр играл известную незатейливую мелодию «То ли луковина, то ли репка»... В ритме песни школьный учитель отыскал место действия спектакля на глобусе и с радостью очертил его на карте. Потом, в конце спектакля, его герои гостеприимно вынесли зрителям по кружке пива из корчмы, где они сами провели не один час за дружеским застольем.

В «Витюзах» режиссер усилил ярмарочную, народную стихию веселья, заключив ее при этом в форму лаконичного, сдержанного в выражении чувств современного театрального искусства. «Виншневый сад» на режиссерском языке И. Будского звучит ясно, четко и образно излагая его концепцию.

Любая постановка произведений А. Чехова, будь то спектакль или фильм, — всегда предмет особого разговора. А. Чехов для каждого художника не столько экзамен на зрелость и мастерство, сколько нравственное испытание, пройдя через которое режиссер и актер либо приобретают «секрет эликсира жизни», либо оказываются в

положении «голового короля». Режиссер Йозеф Будский и художник Збинеж Коларж, а среди актеров в первую очередь Карол Махота блестяще прошли это испытание десять лет назад, создав спектакль «Иванов». И сегодня его хорошо помнят многие москвичи. В этот раз наши гости показали «Виншневый сад» — пьесу, на которой скреплялась и скрепляется не одна пара литературоведческих рапир, об которую обиты не одни режиссерские «сапожки».

В центре нашего пристального внимания оказывается Лопахин. Не потому, что он как деловой человек, представитель молодого капитализма «выигрывает» на фоне инфантильных бездельников — Рачевской и Гаева. Лопахин, по мысли Будского, — то деятельное живое начало жизни, что с трудом и пренебрежениями пробивает себе дорогу. И рассматривает режиссер его, прежде всего, выявляя все причины и следствия психологии личности в конкретных человеческих взаимоотношениях, в отношениях социальных.

Лопахин Карола Махоты внешне интеллигентен, держится свободно и с достоинством. Таким мы видим его, когда он сам по себе. Но подспудно в нем живет комплекс крепостного, не убитый еще диктаторской властью. В пренебрежении господ комплекс этот вдруг оживает: Лопахин Махоты робеет перед Рачевской, искательно ловит руку Гаева. Как человек умный, он осознает глупость своего поведения и побеждает «это» в себе только усилием воли. Для выявления сложностей подобного психологического состояния режиссер усиливает линию Лопахин — Варя, в которой они, не желая того сами, обнаруживают такой порок социальной чуждости, что не в си-

лах его переступить, и остаются по разные стороны баррикад.

Брезгливость и презрение, противные всей логике внутренние нормальных, реально равных взаимоотношений Лопахина с окружающими, нет-нет, да и обнаруживают себя в случайных словах, жестах, взглядах. И когда виншневый сад с торгов продан, Лопахин для внутреннего освобождения, для внешнего самоутверждения пришел к Рачевской как закулаченный купец. То, от чего он так страдал морально, свершилось, он как бы откупился, сбросил с себя бремя предков, став владельцем недостойного когда-то даже в мечтах сада.

Виншневый сад, этот образ-символ, в спектакле существует как нечто зыбкое, призрачное. Не в нем дело. Все герои думают и говорят о нем как-то вскользь, мимоходом. Их волнуют гораздо более существенные, в каждом случае лично щемные вопросы. Для Лопахина этот сад — ступень в его человеческой жизни, для Рачевской, Гаева — обуза, для Ани — преграда для начала новой, полной танцства и привлекательности жизни, для Пети — повод для философских рассуждений, для Вари — место жизни. «Виншневый сад» Будского собрал людей, живущих в разных ритмах и измерениях, чтобы обнаружить их реакцию на звук падающей струны в личной жизни каждого и вместе взятых, расстаться с ними, как это сделал грустный клоун немки Шарлотты, с гримасой улыбки на маске-лице.

Для спектакля в постановке народного артиста Чехословацкой Республики Йозефа Будского расширили наши знания о театре из Братиславы, о его поисках и творческих принципах.

Н. СОРОКИНА.